

Б. Н. ПУТИЛОВ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КНИГИ¹

У этой книги — редкая и необычная для филологических трудов нашего времени судьба. Вышедшая в 1928 г. первым изданием, «Морфология сказки» получила вскоре сочувственный отклик в рецензиях В. Перетца и Д. Зеленина, ее идеи поддержали В. Жирмунский и Б. Эйхенбаум. А затем... затем книга целые десятилетия по существу находилась в забвении, она оказалась как бы в стороне от основных путей изучения сказки, и ее упоминали время от времени лишь как пример характерных увлечений и заблуждений 20-х гг.

И вот теперь на наших глазах произошло словно бы второе рождение книги, она переиздана у нас, и на протяжении последних лет выходят подряд английские, итальянский, французский, польский, румынский переводы «Морфологии сказки», подготовлены или готовятся к печати немецкий, чешский, венгерский переводы. Книга совершает поистине триумфальное шествие по странам Европы и Америки, о ней пишут и говорят как о сегодняшнем, сугубо современном исследовании, и иные зарубежные ученые, мало ориентированные в истории нашей науки, подчас просто не знают, что «Морфология сказки» — книга с достаточно солидным возрастом и что писал ее совсем молодой исследователь, для которого это был, в сущности, первый труд.

У нас к книге В. Проппа в последнее время резко возросло внимание и со стороны фольклористов, и со стороны представителей ряда других наук, интересующихся проблемами современных структурно-системных исследований. Для советских фольклористов возрождение интереса к «Морфологии сказки» и желание объективно и глубоко осмысльить ее значение было вполне закономерным и должно быть поставлено в связь с поисками новых путей и возможностей исторического изучения фольклора.

¹ Впервые опубл.: Вопросы литературы. 1971. № 3. С. 201–206.

Научную актуальность книги очень хорошо выявляет интересная статья Е. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки», заключающая издание². Автор статьи справедливо отмечает, что «абсолютный масштаб научного открытия В. Я. Проппа стал очевиден только после того, как в филологические и этнологические науки внедрились методы структурного анализа», и что «книга В. Я. Проппа, открываяющая большие перспективы в анализе сказки и вообще повествовательного искусства, намного опередила структурно-типологические исследования на Западе»³. Читатель получит из статьи Е. Мелетинского довольно ясное представление о современных интерпретациях книги В. Проппа на Западе, о дискуссиях вокруг «Морфологии сказки», в частности о полемике между К. Леви-Страссом и В. Проппом, а также об опытах применения некоторых основных идей книги к изучению сказок других народов. Картина, нарисованная Е. Мелетинским, достаточно сложна. В современных зарубежных работах имеет место не только популяризация и развитие методики и принципов структурного изучения сказки В. Проппом, не только спор с ним и стремление соединить его методы с представлениями и методами новейшего структурализма (как отмечает Е. Мелетинский, «после знакомства ученых Запада с классическим трудом В. Я. Проппа буквально ни одно из исследований структурных моделей фольклора не могло обойтись без этого труда, не опираться на него»⁴). Имеет место и односторонний подход к содержанию и концепциям автора «Морфологии сказки», и явное недопонимание сущности и основной направленности этого труда. Можно пожалеть в связи с этим, что редакция не включила во второе издание книги ответа В. Проппа К. Леви-Страссу, который был опубликован в приложении к итальянскому изданию «Морфологии сказки» (1966) и в котором содержатся принципиально важные соображения, касающиеся именно основных принципов книги, как их понимал сам автор.

Е. Мелетинский в своей статье подробно обсуждает собственно структурные аспекты труда В. Проппа, критически рассматривает современные интерпретации этих аспектов и специально останавливается на вопросе о путях и возможностях дальнейшего развития принципов, выработанных В. Проппом. Последние соображения представляют особый интерес в свете задач структурно-типологического изучения сказок. Читатель найдет их в более развитом виде в другой работе Е. Мелетинского и группы авторов⁵.

² Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 134–166.

³ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки. С. 134, 138.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ См.: Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. [Вып.] 4. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 236). Тарту, 1969. С. 86–135.

В то же время вполне оправданно говорить о методологии и проблематике «Морфологии сказки» в более широком плане — в связи с общими позициями и исследовательскими поисками автора, одного из крупнейших фольклористов нашего времени, и на фоне основных направлений нашей науки в последние десятилетия.

Советские исследователи сказки в 20–40-е гг. сосредоточивали внимание преимущественно на разработке двух взаимосвязанных проблем: сказка изучалась прежде всего как выражение «личного начала» и как проявление «местного» творчества. Фольклористы с увлечением искали мастеров-сказочников, записывали и изучали их репертуар, стремясь прежде всего выявить в сказках преломление индивидуальных вкусов, психологии, эстетики, жизненного опыта сказочников и окружающей их среды. Собственно литературные особенности сказок рассматривались при этом как проявление — в рамках традиции — творческой индивидуальности. Отдельный сказочный текст приобретал самостоятельную ценность и как бы приравнивался к тексту литературному. В этой обстановке книга В. Проппа могла казаться по меньшей мере несвоевременной.

В самом деле, автор ее исходил из понимания волшебной сказки как проявления творчества коллективного (позднее В. Пропп не побоится вернуть в научный обиход понятие безличного творчества, придав этому понятию принципиально новый по сравнению с XIX в. смысл); его интересовали не индивидуальные черты отдельной сказки, не оригинальность каждого текста, а как раз напротив — повторяемость, общность, типовая устойчивость сказочного повествования, сказочной сюжетной структуры. Значение «личного начала» и «среды» при этом не отрицалось, но тому и другому ставились определенные, подсказываемые самой природой жанра, рамки. Главное же — внимание перемещалось на проблемы генетические и исторические, которыми в 20–40-х гг. исследователи пренебрегали. Чтобы понять исторические основы сказки и открыть механизм возникновения ее как жанра, чтобы попытаться установить основные этапы ее истории, необходимо было подойти к сказке совсем с другой стороны, необходимо было обнаружить свойственные ей закономерности, принципы, на которых она зиждется как явление искусства. Так возник тезис, исходный, отправной для «Морфологии сказки»: «...прежде чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет»; «Изучение структуры всех видов сказки есть необходимейшее предварительное условие исторического изучения сказки»⁶.

Пафос «Морфологии сказки» состоит в поисках «закономерностей строения» жанра. Для В. Проппа изучение этих последних

⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 10–11, 20.

«предопределяет изучение закономерностей исторических»⁷. Исследователь сознательно подразделяет свою работу на два этапа. Первый этап — синхроническое изучение сказки, анализ ее структурного разреза. Этую задачу В. Пропп осуществил в «Морфологии сказки». Он открыл решающее значение для волшебной сказки определенного ряда функций действующих лиц, их постоянство и неизменность порядка в повествовании, а также постоянный набор ролей сказочных персонажей. Как показывает в своей статье Е. Мелетинский, В. Проппу принадлежит заслуга открытия таких понятий и таких сторон в строении сказки, которые имеют принципиальное значение для современных структурных изучений фольклора вообще (например, обнаружение явления бинарности, выделение синтагматического уровня сюжета, разработка моделей и др.).

В. Пропп неопровергимо доказал, что все очевидное и многокрасочное разнообразие сюжетов волшебных сказок имеет в своей основе единую, строго устойчивую структуру и как бы может быть возведено в конечном счете к единой, мы бы сейчас сказали инвариантной, схеме. Это отнюдь не означало возможности установления неких архетипов и первоначальных текстов. В. Пропп делал из своих открытых совершенно другой вывод. Для него было ясно, что закономерная структура — наличие ряда элементов — функций и отношения между ними исторически обусловлены и что поиски этой обусловленности приведут к выяснению генезиса волшебной сказки.

Теперь известно, что уже в рукописи «Морфологии сказки» имелась глава, предлагавшая опыт решения генетической проблемы и содержавшая историческое объяснение открытой сказочной структуры. Об этом вспоминал недавно в одном устном выступлении В. Жирмунский. По совету же В. Жирмунского автор убрал эту главу, чтобы оставить в книге лишь структурную проблематику. На последних ее страницах мы находим слова, смысл и значение которых понятны по-настоящему только теперь. В. Пропп заканчивает книгу указанием на необходимость специального монографического изучения выявленных им функциональных элементов — уже за пределами сказок. «Большинство ее элементов восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной или иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения»⁸.

Так перебрасывался мост от первого этапа изучения сказки (структурна) ко второму этапу (генезис).

В 30-е гг. стали появляться в печати статьи В. Проппа, в которые начали получать реализацию объявленная им программа изучения отдельных элементов, а в 1946 г. вышла фундаментальная монография «Исторические корни волшебной сказки».

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 104–105.

Книга необычайно увлекательная, яркая, парадоксальная и глубоко дискуссионная, она, в сущности, представляет собою прямое продолжение «Морфологии сказки». Правильнее было бы даже сказать, что первая книга явилась введением в «Исторические корни...». Теперь-то нам ясно, что пафосом всей научной жизни ученого были поиски исторических закономерностей фольклора, стремление понять сложнейший механизм фольклорного творчества, найти надежные пути к разгадке тайн, связанных с возникновением и эволюцией фольклорных жанров. Изучение морфологии В. Проппа с оттенком мягкой иронии квалифицировал как работу «черную» и «неинтересную» и уже с полной серьезностью утверждал, что эта работа — «путь к обобщающим “интересным” построениям»⁹.

Таким образом, неправомерно рассматривать одну книгу в отрыве от другой и отделять структурно-типологическую проблематику трудов В. Проппа от проблематики историко-генетической. Для него самого то и другое существовало в неразрывном единстве, синхроническое структурное исследование обретало истинный смысл и значение постольку, поскольку оно имело в перспективе выход к исследованию генетическому. В этом плане опыт В. Проппа остается живым и поучительным для современной фольклористики, где не преодолен разрыв между структурным и историко-генетическим подходом к народной поэзии и где подчас один подход неправомерно противопоставляется другому.

Труды В. Проппа по волшебной сказке заключают и другие принципиальные методологические аспекты, плодотворность которых по-настоящему открывается только сейчас. Уже в книге 1928 г., писавшейся в пору почти безраздельного господства в фольклористике различных направлений миграционизма, В. Пропп выступил, в сущности, против основных постулатов теории заимствования, казавшихся тогда незыблемыми, и обнажил органическую уязвимость характерной для миграционистов сравнительной методики. «Морфология сказки» и особенно «Исторические корни волшебной сказки» поставили совершенно по-новому проблему «сходства сказок по всему земному шару»¹⁰. В. Пропп предложил искать причины этого сходства не в странствовании сюжетов, не в передаче их одними и усвоении другими народами, а в общих закономерностях сказочного творчества, в общих принципах отношения сказок и действительности, в единстве исторических корней.

В связи с этим исключительную важность представляют соображения В. Проппа об этнографических субстратах и этнографических связях фольклорных жанров, в частности — волшебных

---

⁹ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 21.

сказок. В старую и довольно широко разработанную систему научных представлений о связях фольклора с народным бытом, с социальными, семейными институтами и отношениями В. Пропп внес чрезвычайно существенное дополнение: он показал, что фольклорные сюжеты и целые жанры возникают путем своеобразной трансформации, художественного переосмыслиния и «отрицания» определенных этнографических явлений — обрядов, бытовых институтов, представлений; произведения фольклора при этом не «сочиняются» кем-то, а закономерно «вырастают» на соответствующей этнографической почве.

Книга «Исторические корни волшебной сказки» как раз и раскрывает механику этого процесса.

Можно не разделять конечных выводов автора о конструктивной роли обряда инициация в формировании структуры волшебной сказки. Нельзя, однако, не видеть всей методологической значимости и новизны исследования, открывающей неизвестные науке способы и пути коллективного творчества, самый процесс преобразования материала действительности в устойчивую и своеобразную художественную систему. Принцип этнографизма, получивший в трудах В. Проппа столь последовательную и плодотворную реализацию (здесь уместно напомнить и о более поздних книгах В. Проппа — «Русский героический эпос» и «Русские аграрные праздники»), может рассматриваться в методологическом плане как один из наиболее важных принципов современных историко-генетических исследований фольклора. Дальнейшая его разработка, методическое усовершенствование и применение его к возможно более широкому кругу явлений народного творчества составляют одну из актуальных задач науки.

Столь же важен и актуален принцип историко-типологического изучения фольклора, в развитии которого активно участвовал своим трудами В. Пропп. Применительно к проблемам волшебной сказки историко-типологический подход проявился прежде всего в том, что ученый пользовался преимущественно русским сказочным материалом для обнаружения интересовавших его закономерностей повторяемости, для выявления устойчивого ряда функций, а во второй книге — для исследования этнографических связей сказки как системы. Проблемы структуры и генезиса этой жанровой системы рассматривались В. Проппом на уровне интерэтническом. Открытая им типология носила интернациональный характер. Исследование национальной специфики должно было начаться вслед за разрешением собственно генетических вопросов, но также — на основе историко-типологических принципов.

В книге «Русский героический эпос» В. Пропп широко применил эти принципы в связи с разработкой сложных вопросов возникновения и истории былин. Он, в частности, убедительно показал, что по-настоящему судить о характере русского эпоса,

о специфике его сюжетного состава, о его героях, об особенностях эпического историзма можно, лишь рассматривая былины как закономерный этап в развитии типологических форм народного эпоса, на фоне предшествующих, более архаических типов эпического творчества.

Обе книги, посвященные волшебным сказкам, ярко отражают стремление их автора к преодолению стойких традиций позитивистской фольклористики, бессильной справиться с «океаном материала» и откладывавшей задачу его обобщения на далекие времена. Основываясь на повторности и закономерности, характерных для этого материала, В. Пропп принципиально считал возможным и методологически правильным изучать часть его в целях получения общих, типовых выводов. «Закон выясняется постепенно, и он объясняется не обязательно именно на этом, а не на другом материале. Поэтому фольклорист может не учитывать решительно всего океана материала, и если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен»¹¹. Меньше всего это на первый взгляд парадоксальное высказывание может рассматриваться как призыв к «легкому» отношению к фактам. Все, кто знал В. Проппа и более или менее знаком с его работами, знают и то, какой высокой филологической культурой он обладал, как требователен был к себе и другим, когда речь заходила о фактической стороне того или другого исследования, об аргументации, о фактической оснащенности и т. д. Работая над книгой о былинах, В. Пропп подверг предварительному анализу все известные ему былинные тексты.

Призыв ученого состоял в том, чтобы фольклористика не отступала перед океаном материала, не ограничивалась эмпирическим его описанием и разработкой частных тем, но чтобы она, опираясь на методологически верное понимание этого материала, сосредоточивалась на изучении законов фольклорного творчества, на исследовании его истории.

В книге «Морфология сказки», а позднее и в «Исторических корнях волшебной сказки» намечена программа изучения не только структуры и генезиса жанра, но и отдельных сюжетов, то есть сказки как таковой — той, какую мы знаем и какая составляет сокровищницу мирового искусства.

Можно сказать, что обе книги, представляя вполне самостоятельное значение, самостоятельную ценность, в сущности, подготовливали строго научное исследование волшебной сказки как явления мирового искусства — в интернациональном и национальном плане.

Сейчас, пересматривая научное наследие покойного ученого, мы видим, как с разных сторон и в разное время он подступал

---

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 22.

к этой сложнейшей и увлекательной теме. Но сколько-нибудь отчетливо и последовательно она в его работах не зазвучала. Со временем В. Пропп отошел от систематических занятий сказками, увлекся другими проблемами.

Эволюцию интересов большого ученого понять и объяснить нелегко. Программа, сжато изложенная на последних страницах «Морфологии сказки», выражала устремления и возможности молодого ученого, перед которым открывался путь, представлявшийся ему прямым, хотя и долгим. В реальной научной биографии все оказалось сложнее...

Как бы то ни было, проблема, сформулированная В. Проппом, не снята временем, она остается живой и актуальной, и разработку ее, сколько-нибудь успешную, трудно представить без реального учета всего того, что внесли книги самого В. Проппа в изучение сказки.

Книги, как и люди, смертны. Они подвержены старению, со временем они утрачивают свою первоначальную свежесть, теряют прелесть новизны.

Но книги могут и заново рождаться. Бывают в развитии науки моменты, когда работы, казалось бы отодвинутые неумолимым течением времени в прошлое, ожидают, предстают в своем истинном значении, оказываются вовлечеными в сегодняшний научный поток. И тогда выясняется, что ученый, эти работы создавший, шел не в стороне от столбовой дороги науки, а прокладывал пути, которые в конечном счете с этой главной дорогой прочно и надолго соединяются.

Открытия, идеи, методологические посылки, принципы анализа, заключенные в ранних трудах В. Проппа, и в первую очередь в «Морфологии сказки», принадлежат сегодняшнему и завтрашнему дню нашей науки.